

С.С. Булдыгин, О.В. Ким

КРИТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ЗАПАДЕ

Проводится анализ критики западного индустриализма в отечественной и западной историографии. Выделяются теории о принципиальной конечности гегемонии индустриального Запада. Уделяется внимание критике сущностных основ машинной цивилизации. Важное место отводится социокультурным интерпретациям исторического процесса. Отмечается большое значение исследований, направленных на имманентные и многоуровневые процессы в развитии культуры, общественного сознания и саморегулирующихся систем.

Ключевые слова: индустриальное общество; европейская цивилизация; модернизация; технологический детерминизм; социокультурный подход.

Макроисторические модели индустриализации и модернизации европейского общества отличает европоцентризм и технологический детерминизм. Это следствие определенных традиций европейской науки, политики и, в более широком аспекте, особенностей восприятия времени и истории в европейском культурном континууме [1. С. 164–168]. В науке и публицистике XIX–XX вв. машинная цивилизация Европы противопоставлялась аграрному традиционному миру Средневековья как культурно-исторический тип, социально-экономическая модель и стадия развития. Историографический анализ показывает, что в линейных теориях XIX–XX вв. индустриальное общество рассматривалось как преимущественно техногенная система, как социальная машина, в которой решающее значение имеют производственно-экономические факторы.

В этом духе в 1960–1980-е гг. сложились классические концепции западного индустриализма и модернизации У. Ростоу, А. Органского, М. Леви, Д. Лернера, Н. Смелзера, С. Блэка. Технический и интеллектуальный прогресс, развитие рациональных, формальных отношений, распространение рынка и демократии, становление правового общества и социального государства считались кумулятивными эффектами индустриализации. Акцент на технике отразился в распространении машинных метафор рационализма и эффективности – государство-машина, человек-автомат, бюрократический аппарат, и в таких концептуальных символах как «мир-часы» и «мир-компьютер» [2. С. 8]. Технологический детерминизм в определении глобально-исторических эпох в полной мере сохраняется и в современных исследованиях. Так, Л.Е. Гринин и А.Л. Гринин моделируют концептуальные очертания «промышленно-торгового принципа производства», который сменил собой «аграрно-ремесленный принцип», что привело сначала к научно-технической, а затем к кибернетической революции [3]. Идеальный тип техногенной индустриализации укоренен в общественном сознании, и он часто служит отправной точкой для дальнейших теоретических построений.

В ряде современных исследований детерминистский образ индустриального Запада подвергается переосмыслению. Объектами критики стали хронологические рамки европейского капитализма, сущностная динамика и факторы изменений, соотношение поня-

тий индустриализма и капитализма, и в конечном итоге исторические перспективы индустриальной цивилизации как таковой.

Критика линейных концепций индустриальной цивилизации в значительной степени справедлива. В то же время она не может оспорить исторический факт динамичного развития Запада в XVI–XIX вв., его мировую гегемонию в XX в. и огромное влияние в современном мире. Представляется, что актуальной задачей является формирование более сбалансированной, недетерминистской модели процесса. В мировой социологии, философии, исторической мысли существует кластер концептуальных и теоретических подходов, в которых индустриальное общество рассматривается в социокультурных аспектах. Экономический и технический прогресс европейцев воспринимается в них как суммарный результат сложных ментальных, социальных, культурных трансформаций. В 2000-е гг. в антропологические, социокультурные аспекты теории индустриального общества осмысливались в ряде исследований Н.Б. Бурыкиной, в работах Р.А. Беданова, Я.А. Кирсанова, И.Н. Степановой [4–7].

Сформировалось три идейных потока критики западного индустриализма. В рамках первого направления говорится о принципиальной конечности гегемонии индустриального Запада и о размывании его системного ядра. В рамках второго направления критикуются сущностные основы чрезмерно механизированного, детерминистского общества, в котором интересы прибыли и конвейерного производства подавляют человека. Третье направление объединяет теории и концепции, направленные на конструирование многофакторных моделей исторического процесса. Совокупно эти направления акцентируют внимание на высокой роли социокультурных факторов исторической динамики.

Конец гегемонии индустриального Запада

Кризис евроцентричной модели мира в XXI в. обусловлен глобальными изменениями. В мировой индустриальной системе центры производственных, финансовых, технологических процессов постепенно смещаются из цивилизационного ареала Запада в АТР. На фоне развития структур информационного общества все шире проявляется упадок традиционных

для индустриальной цивилизации ценностей, социальных основ и политических парадигм. Г. Дерлугьян так обобщил перспективы дальнейшей модернизации стран второго и третьего мира: «Возврат к диктатуре развития уже невозможен, но и стилизованные версии англо-американского пути относятся к жанру идеологической романтики» [8. С. 18]. Бесперывный экономический рост Запада невозможен и сам по себе цивилизацию не спасет.

В конце XX в. в структуралистских теориях европоцентристская модель капитализма подверглась критическому переосмыслению. Конъюнктурные и циклические интерпретации западного капитализма характеризовали его как временное, субъективное явление. В мир-системном анализе сформировалось положение о средневековом торговом капитализме, который концентрировался вокруг 3–4 системных ядер в ареале восточных цивилизаций [9–10]. В соответствии с этими интерпретациями азиатский торговый капитализм на несколько столетий опережал генезис буржуазных отношений в Европе. Он был более отсталым технологически, но отличался грандиозными объемами производства и обменов. Похожие идеи развились в 1990–2000-е гг. в работах исследователей «Калифорнийской школы» – Дж. Голдстоуна, Р.Б. Вон, К. Померанца, А.Г. Франка, Д. Ли, В. Фэна [11–14]. По их мнению, европейцы воспользовались бонусами, такими как удачное расположение природных ресурсов [15], присвоение богатств или эксплуатация рабского труда в Америке [16]. Это происходило в период коллапса великих цивилизаций и экономик Востока в XIII–XVI вв. Оппоненты «Калифорнийской школы» и указывали им на недостаточное внимание к культурным особенностям, экономическим институтам [17, 18]. При этом в мир-системном анализе постулировано положение о том, что глобальное лидерство Запада завершается в 20–40-е гг. XXI в. И. Валлерстайн характеризовал факторы, ведущие к размытию системных основ западного капитализма и демократии, как новый «мировой беспорядок», в котором возрастет системное значение экспансионизма [19]. Дальнейший рост материального благополучия и политического участия населения, по мнению Валлерстайна, подрывает социально-экономический базис и мировой баланс капитализма. Спекулятивный характер современного финансового капитала, тенденции сжатия и упадка глобального «кондратьевского цикла» ведут к тому, что «современная мировая система, в которой мы живем, не может продолжаться, потому что она слишком отклонилась от равновесия» [20. С. 28].

Известный социолог Р. Коллинз выдвинул тезис о неустойчивости современных индустриальных и постиндустриальных обществ в обстановке технологического перехода. Кризисы капитализма, происходившие в XIX–XX вв., не привели к краху системы и падению индустриального общества, потому что произошел конструктивный технологический сдвиг. Он привел к росту среднего класса и улучшению положения рабочих. Технологические сдвиги, ведущие к появлению нового информационного общества, по мнению американского социолога, угрожают благо-

получию именно среднего класса. Электроника, компьютеризация и роботизация сокращают коммуникативный труд. Коллинз скептически относится к перспективам современного капитализма сохранить всеобщее благополучие, экономический рост и социальный баланс [21. С. 197].

Существует пласт анархистской публицистики, в которой осуждаются пороки индустриальной цивилизации и восхваляется традиционный первобытный мир [22, 23]. Эссе Т. Качински, известное как «Манифест Унобомбера», в 1990-е гг. подняло волну эмоциональной полемики [24]. В нем выражалась идея о том, что индустриальная революция сделала человеческую жизнь длинной, но бесполезной, унизила человеческое достоинство, принесло людям физическое и психическое страдание. В потребительском мире люди относительно легко удовлетворяют жизненные потребности и поглощены суррогатной деятельностью. Она не приносит настоящего удовлетворения, развивает неспособность к достижению настоящих целей, развивает апатию, разочарование, стремление к поиску чрезмерного удовольствия [25. С. 27]. Автор призывал к насильственному демонтажу системы.

Перспективы современного потребительского общества и капитализма как глобальной системы считаются неопределенными. Демократия, материальное благополучие, научный и социальный прогресс уже не рассматриваются как гарантированные атрибуты западной индустриальной модели.

Критика машинной цивилизации и образ технотруктуры

Традиция противопоставления духовного и рационалистического начал в истории Европы восходит к Гегелю и Шпенглеру. Русские философы, в частности Н.Я. Бердяев, дихотомически противопоставляли цивилизацию, основанную на технике и внешней дисциплине, и культуру, в которой преобладала духовность. В представлении Бердяева, индустриальное, капиталистическое общество – это не культура, а цивилизация [26. С. 300]. Русские философы-западники – П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, мало писали о капитализме. Они указывали на ведущую роль христианской религии в формировании духовных и психологических основ в Европе. Их взглядам была присуща романтическая идеализация средневековой западной культуры. Так, В.Г. Белинский и А.И. Герцен видели особое значение идеалов рыцарского благородства и достоинства в процессе формирования прогресса в правовой и философской мысли буржуазной Европы. Они видели позитивную основу западного общества не в технике и рационализме, а в идеях европейского братства, уважения к «внутреннему человеку» [27. С. 133].

Апологетика рационализма и «механомании» появляется в эпоху Просвещения. Один из первооткрывателей темы «индустриальной волны» Э. Тоффлер связал появление этого феномена с идеями Р. Декарта, Т. Гоббса, Д. Дидро. Присущий им рационалистический догматизм привел в конечном итоге к появлению нового типа личности, которая была детермини-

рована установками на успех, функциональную пользу, соответствие образцам. Интеллектуалы XVII–XVIII вв. любили отождествлять человека с механизмами, функциями тепла и движения. Если Дидро называл людей инструментами, которые способны ощущать и помнить, то Гольбах говорил о мозге как о центре управления сверхсложным механизмом. Этот дискурс достиг кульминации в сочинениях Ж. Ламетри. Просветитель называл душу чувствующей и материальной частью мозга, а человеческое тело уподоблял часам [7. С. 46].

Просветительский рационализм и буржуазное стремление к успеху и росту привели к тому, что в XVIII в. в европейском обществе пошел процесс формализации и механизации социальных практик. Эти тенденции привели к появлению культа системы и примату системы над человеком. В европейской культуре сформировались диссонанс между личностью и окружающим миром, общественной средой, традиция противопоставления рационального и чувствующего начал. По мнению Н.Б. Бурыгиной, по мере реализации просветительского дискурса в Западной Европе изменилась интонация культуры, менталитета. В парадигме Просвещения культивируется и развивается чувство сопричастности к системе. Деятельность человека не воспринимается как движение «свободной воли», а как суммарный итог действия внешних и внутренних факторов [5. С. 96].

Критика тоталитарной сущности техники развивалась в первой половине XX в. На ранних этапах западного индустриализма в публицистике преобладал рациональный и в целом положительный образ человека, который благодаря своим научным знаниям и технической вооруженности активно преобразует окружающую действительность. Позднее, в работах О. Шпенглера, Л. Мэмфорда, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Маркузе, Э. Хабермаса развился критический постмодернистский образ человека-машины, который состоит из «автоматических систем», детерминирующих его мышление, поведение, жизнь. Механизмизм в понимании общественных процессов в эпоху модерна образно выразил Эрих Фромм («Бегство от свободы», 1941): «Дисциплинирование человека карцером, розгами и шпицрутенами приходится на время мануфактурной промышленности и королевского абсолютизма, в том числе того, с рационализирующими устремлениями, который называет себя просвещенным... Цель технологической организации – создать своего рода машину из живых людей» [5. С. 94]).

Хосе Ортега-и-Гассет писал, что «техника сделала человека производящего» (*homo faber*) «обездоленным», уменьшила человеческий потенциал [28. С. 40]. Схожие взгляды выражал Карл Ясперс. Признавая, что техника стала важным аспектом формирования «осевого времени» как аспект всеобщей рационализации, философ указывал на то, что в современном обществе человек сам превратился в сырье и ресурс [29. С. 30]. В том же духе Л. Мэмфорд писал, что цивилизация превратилась в Мегамашину, состоящую, по сути, из людей, но призванную служить для решения производственных, военных и социальных задач грандиозного масштаба [30. С. 20]. По его выраже-

нию, человек из активно функционирующего животного, использующего орудия, в индустриальном мире превратился в пассивное животное, функции которого все более передаются машинам, в свою очередь, действующим в интересах обезличенных организаций. «Техника уже не служит целям человека, а направлена на использование ресурсов самого человека, на реализацию его “внеорганических потребностей”» [31. С. 225–235]. Немецкий философ А. Хунинг указывал на ответственность человека перед техникой. В машинную эпоху люди стали важным преобразующим фактором окружающей среды, фактически включились в процессы эволюции, направляют природу [32. С. 406].

Таким образом, к 1960–1970-м гг. в философии и социологии сложился образ дегуманизированной индустриальной цивилизации, в которой ощущается дефицит культуры, эмоционально насыщенных отношений, личных смыслов. Индивидуальное существование в ней подчинено интересам техноструктуры. Это понятие в 1967 г. ввел Дж. Гэлбрейт. Он акцентировал внимание на новой социальной реальности – на корпорациях, которые детерминируют не только производство и финансы, но и повседневность. В техноструктуре люди реально отчуждены от процессов принятия решений. Гэлбрейт указал на особое значение прослойки управленцев-администраторов, которые обслуживают систему и ее «надчеловеческие» интересы [33. С. 74–84]. Целью техноструктуры является постоянный, неограниченный экономический рост, а высокий темп производства, по сути, является универсальной самоцелью.

Автоматизм и способность к воспроизводству рассматриваются в современной социологии как важные характеристики индустриального общества. Характерный эффект «экономии на масштабе» в экстенсивной системе массового производства представлен в исследовании А.Г. Глинчиковой. Она отметила, что индустриальное общество при всех демократических декларациях имеет жесткую иерархическую структуру. Необходимая информация, компетентность и властные инструменты сосредоточены в руках узкой группировки элит. Доступ к информации и принятию решений иерархически ограничен. В системе потребительского общества немногочисленные интеллектуалы узкоспециализированы, сами продукты интеллектуального труда быстро стандартизируются и трансформируются системой [34. С. 49–51].

В стандартизированном индустриальном мире происходит отчуждение человека от актуальной информации, от ее контроля. Этот эффект описал Дж. Бениджер, создатель термина «революция контроля». Он предположил, что в индустриальных обществах существует особая сеть социальных коммуникаций – в ней осуществляются руководство, регулирования, обмен информацией, коррекция всей деятельности. По мнению Бениджера, в XVII–XIX вв. все важные решения принимали консолидированные группировки элит или отдельные личности, которые контролировали национальные государства и отдельные сегменты рынков. По мере углубления процессов индустриализации и глобализации капитализма сло-

жились могущественные наднациональные структуры. Ни один субъект не в силах контролировать и направлять всю систему целиком. Бениджер, как и Гэлбрейт, указывает на появление космополитического слоя управленцев, которые действуют в интересах корпораций, особенно в сферах финансов, транспорта, коммуникаций и связи. Иерархичность и централизация этого контроля укрепляется вместе с ростом производства и увеличением скоростей обмена [35. Р. 46].

Отметим, что критики машинной цивилизации так или иначе указывают на то, что индустриальный капитализм становится автономным от человека явлением. Технологический детерминизм обедняет духовную жизнь общества, подменяет подлинное существование человека обезличенными механическими алгоритмами. В механизации социальных отношений они видят предпосылки тоталитаризма, вероятную причину кризиса и гибели индустриальной цивилизации в недалеком будущем.

Социокультурные интерпретации и факторные модели модернизации индустриального общества

Критика экономического детерминизма и повышенный интерес к социокультурным факторам исторического развития начали формироваться в европейской науке на рубеже XIX–XX вв. Большое влияние на этот процесс оказал осознаваемый историками и социологами кризис позитивистской парадигмы исторического знания. В новых социологических, антропологических научных школах развивались идеи о том, что общественные институты и поведение людей формируются не только под влиянием экономических факторов, но под воздействием менталитета, культурных традиций, социальных установок.

Так, немецкий социолог Ф. Тённис в работе «Общность и общество» (1887) изобразил дихотомию традиционного и современного общества в концепции двух эпох в культурной революции Европы: общинной (*общность*) и общественной (*общество*). Первая характеризуется социальной волей в форме единодушия, обычая и религии; вторая – социальной волей в форме конвенции, политики и публичного мнения. *Общность* отличает прочность человеческих отношений, четкое отделение своих от чужих. Интересы общины, как правило, гомогенны и починяют волю каждого отдельного человека. *Общество* выражается в такой структуре человеческих взаимодействий, при которой связи между людьми строятся на основе рациональных отношений [36. С. 378–380]. Эра общности представляет собой крайнюю форму развития городской жизни. Для неё также были характерны плюрализм жизненных стилей, свободное предпринимательство и инновационный дух [36. С. 381].

Огромный вклад в изучение социокультурных основ капиталистического общества внес М. Вебер. Он совершил научное открытие, когда выдвинул идею об особой структурообразующей роли рациональной бюрократии в социальной системе капитализма. Вебер фактически различал рациональную бюрократию и традиционное чиновничество, для которого были нормальны кланы, клиентелла. Он отмечал такие по-

зитивные черты индустриальной бюрократии, как неперсонализированное отношение к обработке информации, стандартные формальные процедуры принятия решений, четкие разделения компетенций, обязанностей и ответственности, иерархию, специализацию. Зрелый бюрократический аппарат мог охватить своим контролем практически все общественные процессы за счет четырех важнейших компонентов. Это рационализация, формализация, специализация и структурирование [37]. Эти факторы приводят к разрушению патримониальных отношений в обществе в целом.

Рационалистическое общество Нового времени М. Вебер противопоставлял архаичным обществам Средневековья и цивилизациям Востока [38]. Истинный капитализм, по мнению М. Вебера, требует специфического типа сознания, мотивации, рациональности сознания и поведения. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер указывал, что протестантизм с этической и религиозной точки зрения соответствует капитализму. Под «духом капитализма» им понимался способ мышления, для которого характерны рациональное стремление к получению прибыли законным способом [38. С. 106]. Западная цивилизация, по Веберу, отличалась от прочих специфическим набором из шести признаков, четыре из которых имеют выраженную социокультурную основу. Это наука; искусство, включающее в себя «рациональную гармоническую музыку»; образование; организация управления; государство с рациональным правом и бюрократией и капитализм [38. С. 44–46].

Основоположником социокультурного подхода в истории философии XX в. стал П.А. Сорокин. В работе «Социальная и культурная динамика» он выдвинул идею о том, что социальным системам свойственна постоянная флуктуация и изменения политической, экономической, идеологической и культурных сфер [39. С. 797]. Он выделил три идеальных типа таких суперсистем. 1. *Идеациональный тип* (этика абсолютных норм), для которого характерны высшие абсолютные ценности. 2. *Чувственный тип* (этика счастья), характеризующийся стремлением к чувственному счастью, комфорту, полезности; 3. *Идеалистический тип* (эвдемонистическая этика), направленный одновременно на земные и трансцендентальные смыслы существования [39. С. 522–523].

Социокультурная динамика европейского общества Нового времени у П.А. Сорокина объяснялась господством чувственного эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма: «Польза, понимаемая в чувственном смысле, есть основная черта нашего нравственного сознания». Для современного общества характерно «обездуховление» всех этических ценностей до уровня телесного комфорта и наслаждения [39. С. 534]. Впрочем, П.А. Сорокин, в отличие от О. Шпенглера, не утверждал неизбежность гибели европейской цивилизации. В кризисе индустриального общества ему виделась возможность рождения новой идеациональной или идеалистической культуры [39. С. 793].

Под влиянием идей М. Вебера, З. Фрейда, К. Юнга в западной антропологии сформировался интерес к психологической мотивации социального действия.

Успех и особенности западной цивилизации стали рассматриваться через призму господствующих в европейском психологическом и культурном континууме установок. Американский психолог Г. Мюррей ввел понятие «мотив достижения», под которым понималась потребность индивида в личном успехе [40]. В дальнейшем тему развили Д. Аткинсон, Е. Аронсон, Х. Кортес, Д. Макклелланд. Они ввели положение о коллективных мотивах у целых народов, связывая с ними периоды расцвета и упадка цивилизаций. В основу был положен анализ данных литературных источников. Выходило, что выраженные фазы подъема и упадка коррелировали с пиками и упадками коллективной потребности в достижениях. Так, по данным Макклелланда, в греческой цивилизации X–V вв. до н. э. происходил подъем, а с середины V – середины IV вв. до н. э. – упадок потребностей в достижениях [41. Р. 115]. Аналогичные исследования Х. Кортеса по Испании показали, что мотив достижения достигает высоких значений в эпоху Реконксты (XIV–XV вв.), падает до среднего уровня в период расцвета (XVI в.) и достигает низкого уровня к середине XVII в. [42. Р. 158]. Британская историческая динамика показала две волны (в XVI и конце XVIII – начале XIX в.) высокой потребности в достижениях. Они коррелировали с историческими эпохами Реформации и Революции XVI–XVII вв. и эрой промышленного переворота [43. С. 373]. Автор акцентировал внимание на том, что культурный подъем и тенденция к эмансипации всегда предшествовали фазе экономического подъема и политического расширения.

Канадский философ М. Маклюэн связывал подъем Запада в Новое время с распространением всеобщего образования и грамотности в Европе. Эпоха после изобретения печатного станка была названа им «Галактикой Гуттенберга». Маклюэн изобразил традиционное общество и культуру в парадигме корпоративного, невычлененного сознания с преобладанием мифологии и устной передачи. Письменность постепенно меняет субструктуру языка и чувственную организацию. Слова, обретающие письменную форму, становятся частью визуального мира [44. С. 27–34]. «Галактика Гуттенберга» – это время и пространство, которое охватила письменная культура. Это эпоха индивидуализма, национализма и промышленных революций. Само по себе создание механического печатного станка служит началом механизации производства, а Галактика Гуттенберга является наглядным примером того, как производство меняет человеческое общество.

Один из основателей современной теории модернизации Ш. Айзенштадт выделил три социокультурных фактора, определивших индустриальное развитие Европы. Во-первых, религиозное спасение достигалось в результате не отказа от «посюстороннего мира» в перестройке его основных сфер. Во-вторых, существовал доступ различных элит, социальных групп к центру политической власти. В-третьих, индивид в европейской цивилизации выступает в качестве автономной и ответственной целостности [45. Р. 54–56]. Эти обстоятельства обусловили дальнейший генезис капитализма. Недетерминистские трактовки модернизации представлены в последних исследованиях ве-

дущих теоретиков – Р. Коллинза, Ч. Тилли. Так, Р. Коллинз выдвинул тезис о том, что «модерность» индустриального общества состоит из четырех компонентов, которые зависят от разных причин и имеют автономию. Это бюрократизация, религиозная секуляризация и демократизация. Превращение «неформального общества с теплыми личными связями» в «формальное общество с холодными безличными рациональными отношениями» происходит по трем каналам. Один из них действительно детерминирован экономикой, это расширение рынка и углубление специализации труда. Но два других – бюрократизация и секуляризация – значительно опосредованы, связаны с рационализацией мышления, дифференциаций культурных сфер [46. С. 267].

Бюрократизация у Коллинза – это цивилизационный процесс, связанный с распространением сидячего образа жизни и умственного труда. Автор отмечает такие положительные аспекты бюрократизации, как сокращение насилия и произвола, универсализм, верховенство закона, постепенное признание достоинств и прав индивида. На примере Германии XVIII–XX вв. Коллинз показал выдающуюся роль университетов в процессе организационной и идейной секуляризации. Автор выдвинул тезис о том, что высокий уровень развития германского общества в процессах бюрократизации, секуляризации, подъем культуры и науки существенно корректировали «общепризнанное» отставание Германии от Англии и США в процессах демократизации и промышленного роста [46. С. 290].

Чарльз Тилли в своих исследованиях подверг серьезной рецепции «одномерные» теории индустриализации и модернизации, в которых демократия рассматривается как обязательный атрибут [47]. По его мнению, под видом демократии часто фигурирует распространенный тип плебисцитарного авторитаризма. Тилли представил очень подвижный континуум, в котором конкретная ситуация с демократией определяется сочетанием трех общественных факторов. Это: 1) дееспособность правительства к энергичным решениям и контролю (потенциально авторитарная тенденция); 2) «степень защищенности консультаций» (уровень развития публичной политики; легитимные формы политического диалога общества и власти); 3) уровень развития «сетей доверия» (социальные коммуникации в обществе; кому и чему доверяют люди, в каких сферах концентрируют свою активность). Для возникновения реальной демократизации необходимо сочетание трех процессов. Это изоляция публичной политики от категориального неравенства; интеграция сетей доверия в публичную политику; изменения публичной политики, трансформирующие взаимодействия граждан и агентов правительства. В истории Европы и США Тилли отмечает множество авторитарных отклонений [47. С. 40]. Таким образом, демократия не вытекает из буржуазных отношений, а является результатом сложных социальных взаимодействий общества и власти.

В контексте современной глобальной истории модель индустриального общества в значительной степени утрачивает европоцентристский дискурс и экономический детерминизм. Акцент в исследованиях

такого рода сильно смещается в сторону научной и идейной эволюции. Британский историк науки Дж. Броновски выразил эту позицию в монографии «Восхождение человечества» [48]. Автор исходит из принципа выделения открытий и технологий прорывного значения, каждая из которых влечет за собой череду социокультурных, а в ряде случаев – экологических и антропологических изменений. Так, корни европейской склонности к механике автор связал с ранним развитием астрономии. Под ее воздействием складывается интеллектуальный континуум «математика – музыка – астрономия – физика – медицина», который обусловил интеллектуальный прогресс в Евразии. Броновски высоко оценивает значение культурных импульсов и достижения исламской цивилизации в научной революции на рубеже Средневековья и Нового времени. Европейский вклад в мировую науку, по мнению Броновски, заключался в математическое отображение процессов движения в пространстве и времени [48, С. 141–145].

Таким образом, мы можем отметить существенный сдвиг в парадигме репрезентации процессов европейской индустриализации и модернизации. Его

суть в развитии представлений о высокой роли социокультурных факторов. Линейные евроцентристские теории с 1970-х гг. в значительной степени корректируются рядом положений. Первое заключается в том, что модернизация отражает длительный процесс изменения культуры, сознания, психологических установок и социального поведения. Эти трансформации сложно коррелируют с новыми экономическими практиками, и нельзя определенно установить, какие отношения являются первичными. Вторая позиция связана с высокой цивилизационной ролью европейского рационализма. Мнения исследователей разделяются: одни связывают его появление с идеологией и философией Просвещения, а другие считают, что он заложен в европейский культурный архетип. Третье положение опирается на образ саморегулирующейся, отчужденной от человеческой воли капиталистической индустриальной системы. Социокультурные трансформации индустриального общества связываются с появлением мегаструктур, корпораций, а также с формированием наднациональных, надклассовых групп управляющих корпоративных элит в массовом потребительском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким О.В. Проблема европоцентризма и переходные эпохи в моделях глобальной истории // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11). Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории. С. 163–182.
2. Кирсанов Я.А. Взаимодействие техники и власти в культуре индустриального и постиндустриального общества (на материале западной литературы XIX–XX вв) : автореф. дис. ... канд. культурол. Саратов, 2011, 20 с.
3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (История технологий и описание их будущего). М., 2015. 424 с.
4. Беданов Р.А. Антропологический аспект культурологического анализа феномена перехода к массовому индустриальному обществу // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. № 5 (155). С. 9–14.
5. Буркина Н.Б. Понятие «переходная эпоха» как рефлексия исторического процесса в философско-культурологическом аспекте. М., 2009. 326 с.
6. Бутовская М.Л., Веселовская, Е.В., Прудникова, А.В. Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 143–154.
7. Степанова И.Н. «Человек-машина» как антропологическая эпистема индустриальной цивилизации // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 2 (16). С. 43–46.
8. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1 (687). С. 18.
9. Abu-Lughod J. Before European hegemony: the world system A.D. 1250–1350. London: Books, 1989. 464 p.
10. Amin S. The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system // Review. Binghamton. 1991. Vol. 14 (3). P. 349–385.
11. Goldstone J.A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // Sociological Theory. Davis. 2000. P. 173–194.
12. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., 2014. 300 с.
13. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000 // Population and Development Review. 1999. Vol. 25 (1). P. 33–65.
14. Wong R.B. China transformed: Historical change and the limits of the European experience. Ithaca, 1997. 327 p.
15. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000. 393 p.
16. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998. 557 p.
17. Аллен Р.С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М., 2014. 448 с.
18. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003. 121 p.
19. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. 256 с.
20. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 23–62.
21. Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики // Прогнозис. Журнал о будущем. 2009. № 2(18). С. 196–209.
22. Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии. М., 2004. 103 с.
23. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. 224 с.
24. Kaczynski T.J. The Road to Revolution. The complete & authorized Unabomber. Xenia, 2008. 393 p.
25. Качинский Т. Индустриальное общество и его будущее. СПб., 2011. 116 с.
26. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. 413 с.
27. Сараева Е.Л. Европейская цивилизация в оценках русских западников // Tabularium: Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2004. Т. 2. С. 119–133.
28. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 164–232.
29. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
30. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. 408 с.
31. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технологическая волна на Западе. М., 1986. С. 225–239.
32. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 404–419.

33. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008. 1200 с.
34. Глинчикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 49–51.
35. Beniger J.R. The control revolution. Technological and Economic Origin in Information Society. Cambridge : Massachusetts and London, 1986. 511 p.
36. Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002. 452 с.
37. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. I: Социология. М., 2016. 445 с.
38. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
39. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. 1176 с.
40. Murray H.A. Explorations in personality. New York, 1938. 790 p.
41. McClelland D.C. The Achieving Society. Princeton, 1961. 515 p.
42. Cortes J.B. The Achievement Motive in the Spanish Economy between the 13th and 18th Centuries // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9 (2). P. 144–163.
43. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007. 672 с.
44. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. 432 с.
45. Eisenstadt S. North European civilization in a comparative perspective. London, 1987. 162 p.
46. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 504 с.
47. Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. М., 2010. 456 с.
48. Броновски Д. Восхождение человечества. Предисловие Ричарда Докинза. СПб., 2017. 362 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 августа 2019 г.

Criticism of Technological Determinism in the Study of the Dynamics of Industrial Society in the West

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 160–167.

DOI: 10.17223/15617793/453/19

Sergey S. Buldygin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

Oleg V. Kim, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zaecposad@gmail.com

Keywords: industrial society; European civilization; modernization; technological determinism; sociocultural approach

The article analyzes the criticism of established ideas about the historical dynamics of industrial society, which are characterized by Eurocentrism, economic and technological determinism. On the basis of a historiographic analysis, the authors of the article distinguish three ideological flows of criticism of Western industrialism. The first direction speaks about the principal finiteness of the hegemony of the industrial West and the erosion of its system core. At the end of the twentieth century, structuralist theories critically rethought the Eurocentric model of capitalism. Representatives of the California School (J. Goldstone, A.G. Frank, R.B. Wong, C. Pomerantz, J. Lee, W. Feng) claimed that the success of industrial Europe was due to the temporary lag of the East. Sociologist I. Wallerstein claims that Western capitalism is unstable, and Western dominance ends in the 21st century. The second direction criticizes the foundations of the overly mechanized, deterministic society, in which the interests of profit and conveyor production suppress a person. Philosophers of the 20th century (O. Spengler, L. Mamford, J. Ortega y Gasset, G. Marcuse, J. Habermas) criticized the mechanism of industrial society. In the 1960s, J. Galbraith introduced the concept of technostructure, whose goal is unlimited economic growth. J. Beniger introduced the concept “revolution of control”, which was understood as the formation of supranational structures that carry out centralized control of production and exchange. The third direction unites sociocultural theories. At the turn of the 20th century, ideas developed that public institutions and people’s behavior are formed under the influence of not only economic factors, but also cultural traditions and social attitudes (F. Tönnies, M. Weber). The sociocultural approach was developed by P. Sorokin, who considered the desire for bodily comfort and pleasure to be the basis of industrial society. Psychologists D. Atkinson, J. Cortes, D. McClelland associate the achievements of Western countries with the dominance of collective motivation for success. Philosopher M. McLuhan linked the rise of the West in the New Age with the spread of universal education and literacy in Europe. Sociologists Sh. Eisenshtadt, R. Collins, Ch. Tilly distinguished religion, political system and autonomy of individual as factors of progress. Historian J. Bronowski expressed the idea of a connection between sociocultural shifts and technological development. The authors of the article come to the conclusion that historiography has developed an understanding of the high role of sociocultural factors of historical dynamics. Linear Eurocentric theories are largely corrected by a number of provisions, including important factors such as the long process of cultural change, the evolution of social behavior, rationalism, and the formation of large corporations.

REFERENCES

1. Kim, O.V. (2012) The Eurocentric Theory and Transitive Epochs in Global History Models. *Istoriya*. 3 (11), pp. 163–182. (In Russian).
2. Kirsanov, Ya.A. (2011) *Vzaimodeystvie tekhniki i vlasti v kul'ture industrial'nogo i postindustrial'nogo obshchestva (na materiale zapadnoy literatury XIX–XX vv)* [The Interaction of Technology and Power in the Culture of Industrial and Post-Industrial Society (Based on Western Literature of the 19th–20th Centuries)]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Saratov.
3. Grinin, L.E. & Grinin, A.L. (2015) *Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k epokhe samoupravlyaemykh sistem (Istoriya tekhnologii i opisanie ikh budushchego)* [From Choppers to Nanorobots. The World Is on Its Way to the Era of Self-Governing Systems (History of Technologies and a Description of Their Future)]. Moscow: Uchitel'.
4. Bedanokov, R.A. (2011) *Antropologicheskii aspekt kul'turologicheskogo analiza fenomena perekhoda k massovomu industrial'nom obshchestvu* [Anthropological Aspect of the Culturological Analysis of the Phenomenon of Transition to a Mass Industrial Society]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region*. 5 (155). pp. 9–14.
5. Burykina, N.B. (2009) *Ponyatie “perekhodnaya epokha” kak refleksiya istoricheskogo protsessa v filosofsko-kul'turologicheskoy aspekte* [The Concept “Transitional Era” as a Reflection of the Historical Process in the Philosophical and Cultural Aspect]. Moscow: Sputnik+.
6. Butovskaya, M.L., Veselovskaya, E.V. & Prudnikova, A.V. (2010) *Modeli biosotsial'noy adaptatsii cheloveka i ikh realizatsiya v usloviyakh industrial'nogo obshchestva* [Models of Human Biosocial Adaptation and Their Implementation in an Industrial Society]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4. pp. 143–154.
7. Stepanova, I.N. (2009) “Chelovek-mashina” kak antropologicheskaya epistema industrial'noy tsivilizatsii [“Man-Machine” as an Anthropological Epistem of Industrial Civilization]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2 (16). pp. 43–46.
8. Derlug'yan, G. (2010) *Modern i modernizatory* [The Modern and Modernizers]. *Ekspert*. 1 (687). pp. 18.
9. Abu-Lughod, J. (1989) *Before European hegemony: the world system A.D. 1250–1350*. London: Books.
10. Amin, S. (1991) The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system. *Review. Binghamton*. 14 (3). pp. 349–385.

11. Goldstone, J.A. (2000) The rise of the West—or not? A revision to socio-economic history. *Sociological Theory*. 18 (2). pp. 173–194. DOI: 10.1111/0735-2751.00094
12. Goldstone, J. (2014) *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoy istorii, 1500–1850* [Why Europe? the Rise of the West in World History 1500–1850]. Translated from English by M. Rudakov. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
13. Lee, J. & Feng, W. (1999) Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000. *Population and Development Review*. 25 (1). pp. 33–65.
14. Wong, R.B. (1997) *China transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Cornell University Press.
15. Pomeranz, K. (2000) *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton: Princeton University Press.
16. Frank, A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
17. Allen, R.S. (2014) *Britanskaya promyshlennaya revolyutsiya v global'noy kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Translated from English by N. V. Avtonomova. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
18. Vries, P. (2003) *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: Leiden University.
19. Wallerstein, I. (2003) *Posle liberalizma* [After Liberalism]. Moscow: Editorial URSS.
20. Wallerstein, I. (2015) Strukturnyy krizis, ili Pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym [Structural Crisis, or Why Capitalists May No Longer Find Capitalism Rewarding]. In: Wallerstein, I. et al. *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?]. Translated from English by A. Appolonov, T. Otel'nikova. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. pp. 23–62.
21. Collins, R. (2009) Tekhnologicheskii sdvig i kapitalisticheski krizisy: vykhody i tupiki [Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends]. *Prognosis*. 2(18). pp. 196–209.
22. Black, B. (2004) *Anarkhizm i drugie prepyatstviya dlya anarkhii* [Anarchism and Other Impediments to Anarchy]. Translated from English. Moscow: Gileya.
23. Zerzan, J. (2007) *Pervobytnyy chelovek budushchego* [Future Primitive]. Translated from English by A. Shekhovtsov. Moscow: Gileya.
24. Kaczynski, T.J. (2008) *The Road to Revolution. The complete & Authorized Unabomber*. Xenia: Suisse.
25. Kaczynski, T. (2011) *Industrial'noe obshchestvo i ego budushchee* [The Unabomber Manifesto: Industrial Society and Its Future]. Translated from English by D. Popov. St. Petersburg: REVOLVA
26. Bibler, V.S. (1991) *Ot naukoucheniya k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow: Politizdat.
27. Saraeva, E.L. (2004) Evropeyskaya tsivilizatsiya v otsenkakh russkikh zapadnikov [European Civilization in the Assessments of Russian Westerners]. *Tabularium: Trudy po antikovedeniyu i medievistike*. 2. pp. 119–133.
28. Ortega y Gasset, H. (1993) Razmyshleniya o tekhnike [Technology]. Translated from Spanish. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 5. pp. 164–232.
29. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
30. Mumford, L. (2001) *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine: Technics and Human Development]. Translated from English. Moscow: Logos.
31. Mumford, L. (1986) Tekhnika i priroda cheloveka [Technics and the Nature of Man]. Translated from English. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnologicheskaya volna na Zapade* [New Technological Wave in the West]. Moscow: Progress. pp. 225–239.
32. Hüning, A. (1989) Inzhenernaya deyatel'nost' s tochki zreniya eticheskoy i sotsial'noy otvetstvennosti [Engineering Education and Social Responsibility]. Translated from German. In: Arzakanyan, Ts.G. & Gorokhov, V.G. (eds) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in Germany]. Moscow: Progress. pp. 404–419.
33. Galbraith, J. (2008) *Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe* [The New Industrial State. Selected Works]. Translated from English. M: Eksmo.
34. Glinchikova, A.G. (2001) Kapitalizm, sotsializm, industrial'noe obshchestvo – k voprosu o sootnoshenii ponyatiy [Capitalism, Socialism, Industrial Society: On the Correlation of Concepts]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 9. pp. 49–51.
35. Beniger, J.R. (1986) *The Control Revolution. Technological and Economic Origin in Information Society*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
36. Tonnies, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: VLADIMIR DAL'.
37. Weber, M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t.* [Economy and Society: A Critical Companion]. Translated from German. Vol. I. Moscow: HSE.
38. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
39. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Translated from English by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii proekt.
40. Murray, H.A. (1938) *Explorations in Personality*. New York: Oxford University Press.
41. McClelland, D.C. (1961) *The Achieving Society*. Princeton: Princeton University Press.
42. Cortes, J.B. (1961) The Achievement Motive in the Spanish Economy between the 13th and 18th Centuries. *Economic Development and Cultural Change*. 9 (2). pp. 144–163.
43. McClelland, D. (2007) *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
44. McLuhan, M. (2004) *Galaktika Guttenberga: Stvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Translated from English. Kyiv: Nika-Tsentr.
45. Eisenstadt, S. (1987) *North European Civilization in a Comparative Perspective*. Oxford University Press.
46. Collins, R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N.S. Rozov. Moscow: URSS.
47. Tilly, C. (2010) *Bor'ba i demokratiya v Evrope, 1650–2000 gg.* [Contention and Democracy in Europe, 1650–2000]. Translated from English by A.A. Kalinin. Moscow: HSE.
48. Bronowski, D. (2017) *Voskhozhdenie chelovechestva* [The Ascent of Man]. Translated from English by N. Sustavov. St. Petersburg: Piter.

Received: 09 August 2019